

«Такой остров»: образ Татарской слободы в Томске у ее местных жителей

Марина Дмитриевна Устинова ^{[1], [2]}

✉ m.ustinovaa@gmail.com

ORCID: 0009-0007-4890-9458

^[1] Институт этнологии и антропологии РАН, Москва, Россия

^[2] Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия

Для цитирования статьи:

Устинова, М. Д. (2024). «Такой остров»: образ Татарской слободы в Томске у ее местных жителей. *Фольклор и антропология города*, VI(1–2), 80–93. DOI: 10.22394/2658-3895-2024-6-1-2-80-93.

Одним из результатов освоения городского пространства является возникновение локальных вернакулярных нарративов о нем. Опираясь на такие нарративы, я рассматриваю субъективные представления жителей Татарской слободы г. Томска о городском пространстве, в котором протекает их повседневная жизнь. Структуру статьи определило наложение собранных интервью на элементы городской среды — в сопровождении исследовательского комментария в работе описываются представления жителей Татарской слободы о характеристиках ее пространства, границах, а также используемых в качестве путей улиц и переулках. Проведенный анализ интервью и ментальных карт позволяет говорить, что основным источником конструирования вернакулярного образа являются не только ассоциации и воспоминания, связанные с Татарской слободой, но и в значительной степени наличие связанных с ее пространством повседневных практик.

Ключевые слова: городская антропология, ментальное картирование, локальные нарративы, Татарская слобода, Томск

“It's like an island”: the image of Tatarskaya Sloboda among the locals

Marina D. Ustinova ^{[1], [2]}

✉ m.ustinovaa@gmail.com

ORCID: 0009-0007-4890-9458

^[1] Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

^[2] Lobachevsky University, Nizhny Novgorod, Russia

To cite this article:

Ustinova, M. (2024). “It's like an island”: the image of Tatarskaya Sloboda among the locals.

Urban Folklore & Anthropology, VI(1-2), 80-93. DOI: 10.22394/2658-3895-2024-6-1-2-80-93. (In Russian).

One of the outcomes of urban space utilization is the emergence of local vernacular narratives about it. Relying on such narratives, I examine the subjective perceptions of the residents of Tatarskaya Sloboda in Tomsk regarding the urban space where their daily lives unfold. The structure of the article is determined by overlaying the collected interviews on elements of the urban environment. Accompanied by research commentary, the article describes the residents' perceptions of Tatarskaya Sloboda's space characteristics, borders, as well as the streets and alleys used as pathways. The analysis of interviews and mental maps allows us to conclude that the primary source for constructing the vernacular image is not only associations and memories related to Tatarskaya Sloboda but also, to a significant extent, the presence of everyday practices associated with its space.

Keywords: urban anthropology, mental mapping, local narratives, Tatarskaya Sloboda, Tomsk

В марте 2019 года я собирала рассказы жителей одного из исторических районов Томска — Татарской слободы. Она сложилась на территории от места впадения реки Ушайки в Томь до прибрежной зоны Томи: с развитием города местное население вытеснялось с прежних мест проживания, и в начале XVII века татары племени Эушта, проживавшие на Юрточной горе, заселили район Заисточья, где сформировалась слобода [Старикова и др. 2012: 330]. Сейчас это территория от ТЭЦ-1 до Коммунального моста и от Томи до проспекта Ленина.

Впервые я оказалась в слободе за год до этого, проездом после экспедиции. Слобода выглядела как мозаика, состоящая из артефактов разных времен. Это были оживленные улицы и переулки с деревянными домами, двумя мечетями, небольшими магазинами и культурным центром, многоэтажными домами и сетевыми магазинами. Мне стало интересно, какой образ слободы существует у горожан, проживающих на ее территории? Из каких элементов он складывается? Как освоение пространства слободы влияет на появление нарративов о ней? Таким

образом, меня интересовали нарративы об истории слободы, связанных с ней воспоминаниях, образах и ассоциациях. Моей целью было рассмотреть городские локальные нарративы как результат освоения городского пространства и выявить конкретные объекты на территории слободы, из которых складывается ее образ у жителей. В фокусе исследования были высказывания об объектах пространства слободы, имевшие хождение среди горожан: я выделяла объекты городской среды по наличию связанных с ними представлений и неоднократности их упоминания.

Я провела 17 глубинных полуструктурированных интервью¹. Главным критерием выбора информантов был сам факт их проживания в слободе вне зависимости от продолжительности, а также их возраста, гендерной, этнической, конфессиональной и профессиональной принадлежности. Моими собеседниками стали местные рыбаки, преподаватель английского, художник, представители мусульманского сообщества Красной соборной мечети, сотрудники «Центра татарской культуры», продавцы небольшого продуктового магазина, пенсионеры и старожилы. Кто-то из них родился в Татарской слободе, кто-то в силу разных причин переехал сюда из других районов Томска, городов или тогдашних союзных республик² и проживает в слободе длительное время. При поиске информантов я использовала метод «снежного кома»: первые интервью проводились с сотрудниками «Центра татарской культуры» — они в свою очередь делились со мной контактами жителей слободы, с которыми были знакомы лично. С кем-то я познакомилась на улицах города, с кем-то — в локальных группах в социальных сетях и даже на Airbnb, когда пыталась арендовать в слободе комнату на время полевой работы. Интервью проводились в домах информантов и на улицах слободы, в «Центре татарской культуры», местных кафе и продуктивном магазине, в мечети и на городском празднике в честь наступления Новруза. С одним из информантов мы договорились о прогулке по Татарской слободе, в ходе которой разговаривали о связанных с ней сюжетах³.

Ряд интервью сопровождался составлением информантами ментальных карт — эскизным нанесением на лист бумаги различных элементов городского ландшафта и описанием их различимости, наличия или отсутствия взаимосвязей между ними. В ходе картирования территория слободы изображалась моими собеседниками по памяти: изображая пространство повседневной жизни, они рассказывали о его границах и символах, делились собственными маршрутами и наблюдениями.

¹ Ключевые темы интервью: вернакулярные образы, границы, символы слободы, воспоминания и ассоциации, связанные с ее территорией, способы взаимодействия с пространством.

² Информант переехал в Томск из Казахстана, который на момент переезда входил в состав СССР.

³ О специфике подобного метода можно прочесть в работе Маргарет Кузенбах «Уличная феноменология. Совместная прогулка как техника этнографического исследования» (“Street phenomenology: The go-along as ethnographic research tool”) [Kusenbach 2003].

Структуру статьи определило наложение собранных нарративов на элементы городской среды — в сопровождении исследовательского комментария ниже будут описаны представления жителей о строениях, создающих образ слободы, и пространственной структуре территории.

«МАЛЕНЬКАЯ ДЕРЕВНЯ ВНУТРИ БОЛЬШОГО ГОРОДА»: ОБРАЗ РАЙОНА

Вернакулярный образ Татарской слободы связан с ее историей, архитектурным обликом, ландшафтными особенностями, со слов информантов, образующими на территории города особый мир со своим течением времени. Исторические ассоциации, социальная и этническая принадлежность местных жителей, визуальный образ сцеплены воедино и определяются через контраст с остальным городом.

Это [Татарская слобода] как маленькая деревня внутри большого города, потому что в основном одно- и двухэтажные дома, резные палисадники и очень интересное оформление деревянными кружевами. Что самое интересное — нет лица, нет зверей в этом оформлении, потому что мусульмане этого не приемлют. А что у них есть? Геометрические фигуры, цветы, листочки, деревья, виноградные гроздья⁴.

В интервью жители слободы говорили о ней как о складывавшемся веками мире вокруг исторической артерии города — Московского тракта: он был проложен в 1730 году и соединил европейскую часть Российской империи с Западной и Восточной Сибирью [Богданова 2005]: «Это большая-большая дорога [Московский тракт]. На пути этой дороги — такой остров [Татарская слобода]. Двухэтажный, он именно всегда был двухэтажный, этот мир»⁵. В свое время основным занятием местного населения был извозный промысел, само население состояло преимущественно из торговцев, содержателей постоялых дворов, багряшников, коновалов и кузнецов, о чем не раз упоминали информанты: «У меня-то дом на углу. Там было на воротах написано: “Поставщик, такой-то там татарин, поставщик лошадей Его Императорскому В.”. У него было подворье, лошади»⁶.

Для описания района проживания мои собеседники употребляли лексемы «деревянный», «старинный», использование которых можно соотнести с образной доминантой Татарской слободы — исторической деревянной застройкой: «Неожиданно видеть улицу целиком из деревянных домов. <...> Я бы назвал это [Татарскую слободу] “старинная улица”. Самая крайняя к реке, она неприметная, маленькая, как будто ее уже и нет»⁷. Основной тип жилого дома в Татарской слобо-

⁴ Ж., 1927, род. в Томске. Здесь и далее зап. М. Д. Устиновой в 2019 году.

⁵ Ж., 1965, род. в Томске.

⁶ М., 1960, род. в Тайге (Кемеровская область).

⁷ М., 1982, род. в поселке Светлый (Томская область).

де — дореволюционный двухэтажный деревянный дом на кирпичном цокольном этаже, на главном фасаде которого находятся сдвоенные или трехчленные окна, а задние и боковые фасады «усложнены объемами крылец, эркеров, галерей, террас» [Богданова 2005: 102]. Дома такого типа, противопоставленные многоэтажным бетонкам, определяют образ слободы:

Была возможность продать квартиру, купить в другом месте, я подумал-подумал — нет, не хочу. Мне здесь нравится. Уютно несмотря на то, что все старенькое, и должно быть неприятно — хочется ведь чего-то современного, нового. А мне кажется, что это хорошо, наоборот. Деревянный дом, он создает атмосферу какую-то другую. Ощущения другие, чем ты в кирпичном доме живешь⁸.

Деревянные дома нередко выступали в нарративах в качестве живых организмов, требующих особой заботы:

Дом как мой родственник, как будто член семьи. Я с ним разговариваю: «Здесь больно, здесь больно? Я тебя полечу. Крыльцо упало? Я его почищу». «...» Для меня дом — такой же ребенок. Потому что он живой. Это не какой-то там чужой организм. Я могу его облагораживать, я могу ему кокошник надеть, и он будет выпендриваться⁹.

Некоторые из моих собеседников отмечали ветхость и, соответственно, дешевизну сдаваемого жилья:

Покосившиеся домики — кто такое жилье снимает? Люди, у которых маленький достаток, чаще всего это неблагополучные люди. Где неблагополучие, там — алкоголь, драки. И, собственно, все это и было, когда я только заехал [2012 год]. И сосед у меня — бывший ээк, и видно этих людей на улице¹⁰.

Повествования о социальной принадлежности жителей слободы развивались в контексте представлений о Татарской слободе как об опасном районе — от баталий «своих» и «чужих» в советское время до превращения слободы в «бандитский остров» в 1990-е годы. Например, информанты отмечали регулярно устраиваемые драки на улицах слободы в советское время между местными жителями и жителями других районов города:

В Татарскую слободу, особенно в советское время, было опасно ходить, потому что там пацаны четко отслеживали — кто свой, а кто не свой¹¹.

Раньше было, в советские времена: парень неместный провожает девушку — пока он ее провожает, его никто трогать не будет, а когда он ее проводил, его «по-джентельменски». Тогда уже — ноги в зубы и бегом¹².

⁸ М., 1982, род. в поселке Светлый (Гомская область).

⁹ М., 1960, род. в Тайге (Кемеровская область).

¹⁰ М., 1982, род. в поселке Светлый (Гомская область).

¹¹ М., 1960, род. в Тайге (Кемеровская область).

¹² М., 1966, род. в Томске.

Говоря о 1990-х годах в истории Татарской слободы, информанты отмечали сложившееся в районе криминальное положение. Например, рассказывали об «авторитетных хулиганах» и «татарской мафии», которые облюбовали тихий окраинный район города:

Во всяком районе свои хулиганы есть, а здесь [в Татарской слободе] такие авторитетные хулиганы были. Они как бы думали: “На окраине, в тишине”. Не убивали, не кидались. Ну так, свои дела делали¹³.

Были просто целые россыпи «татарской мафии». <...> Это была такая территория, которую они берегли. <...> Почему там [в Татарской слободе]? Потому что деревянные домишки — это тебе не так, это тебе не здесь. Вот [в районе многоэтажных домов] живешь, тебя сосед увидит, а там не было этого, там клановость, как в Италии. Остров¹⁴ — это было их состояние, они держали его как крепость¹⁵.

Но все же большинство нарративов о сегодняшней слободе отсылало к представлениям о ее криминогенности, которые исчерпали себя и стали стереотипными предубеждениями: «Категория людей, как [кто-то] говорит “Татарская слобода”, думает, что здесь дома деревянные, алкаши да пьяницы. Нет, здесь достаточно спокойно можно ходить, нормальные люди. Это глупость, это просто наговор»¹⁶.

В Томске — две мечети, Красная и Белая, и обе находятся на территории Татарской слободы. Существенный вклад в вернакулярный образ слободы внесла конфессиональная принадлежность ее жителей: «Для меня лично этот район — район мусульманский. Две мечети — это уже, ни одной церкви в этом районе. Если он — Татарский аул»¹⁷.

Первая Томская мусульманская соборная мечеть, или Красная, получившая свое название по цвету кирпичных стен, была заложена в 1901 году на месте двух сгоревших деревянных мечетей [Гончарова 2015: 106]. В ходе кампании по борьбе с религией в 1931 году мечеть была закрыта: сначала в ней открылся клуб «Нацмен», затем долгое время она функционировала как ликеро-водочный завод (1942–1985), в 1986 году в ней разместился цех завода пищевых продуктов [Старикова и др. 2012: 275]. Приспособленное под производство здание понесло значительный урон, утратив минарет и купол. Открытие ликеро-водочного завода в здании мечети воспринималось сообществом мусульман как личное оскорбление, о чем неоднократно упоминали информанты: «Для татар это такое было оскорбление. По мусульманским верованиям татарин не имеет права употреблять алкоголь. Для него это грех большой»¹⁸. Здание мечети в полуразрушенном состоянии было возвращено мусульманской общине в 2002 году. К 2014 году мечеть была полностью восстановлена, а уже через год состоялась церемония ее открытия.

¹³ Ж., 1965, род. в Томске.

¹⁴ Под островом информант имеет в виду территорию слободы.

¹⁵ М., 1960, род. в Тайге (Кемеровская область).

¹⁶ Ж., 1974, род. в Томске.

¹⁷ Ж., 1974, род. в Томске.

¹⁸ Ж., 1965, род. в Томске.

На Московском тракте находится Белая мечеть (годы постройки: 1912–1914), названная так по цвету стен, отличных от Красной [Старикова и др. 2012: 275]. В 1938 году здание мечети стало зернохранилищем, затем — цехом карандашной фабрики.

Там [на месте Белой мечети] была карандашная фабрика. Когда карандашная фабрика переехала, вернули мечеть — там не раз проводились субботники: они [дети собеседницы] собирали мусор и даже коробку карандашей принесли. Долго у нас валялись еще эти красно-синие карандаши¹⁹.

В 1990 году мечеть была возвращена томскому сообществу мусульман: «Не так давно мой муж, между прочим, добивался возвращения этой [Красной] мечети и Белой мечети. Сначала они вернули себе Белую мечеть. Была инициативная группа, в которую входил мой супруг»²⁰.

С опорой на исторические ассоциации и визуальное восприятие, сопряженное с положением мечетей в ландшафте, жители повествовали о них как о символах района: «Татарскую слободу украшает, Красная, Красная Соборная мечеть. Самый большой объект, здание — Красная мечеть считается символом»²¹. Однако сегодня образ района, связанный с этнической принадлежностью его жителей, довольно слаб: «Сейчас мало татар осталось, в основном азербайджанцы, чеченцы тут, узбеки. На нашей улице [Мусы Джалиля] вообще татар не осталось: бабушки умерли или им дали квартиру»²².

«РАЙОН ХОЧЕТСЯ ВИДЕТЬ КАКИМ-ТО КВАДРАТНЫМ, КРУГЛЫМ»: О ГРАНИЦАХ СЛОБОДЫ

Для обозначения исследуемого пространства информанты используют два топонима. Первый — «Татарская слобода», отсылающий к этнической принадлежности его коренных жителей. Второй — «Заисточье» (в обиходе «Заисток»), сопряженный с расположением территории за истоком реки: «“Заисток” — за истоком. С горки бежит ручеек, спускается вниз. Здесь были маленькие озера, расцветали камыши, здесь утки дикие плавали»²³.

В ходе интервью я задавала информантам вопросы о названии района, используемом ими в повседневной жизни, и просила объяснить причины его употребления. В нарративах фигурировал топоним «Заисток», территория которого несколько шире территории Татарской слободе.

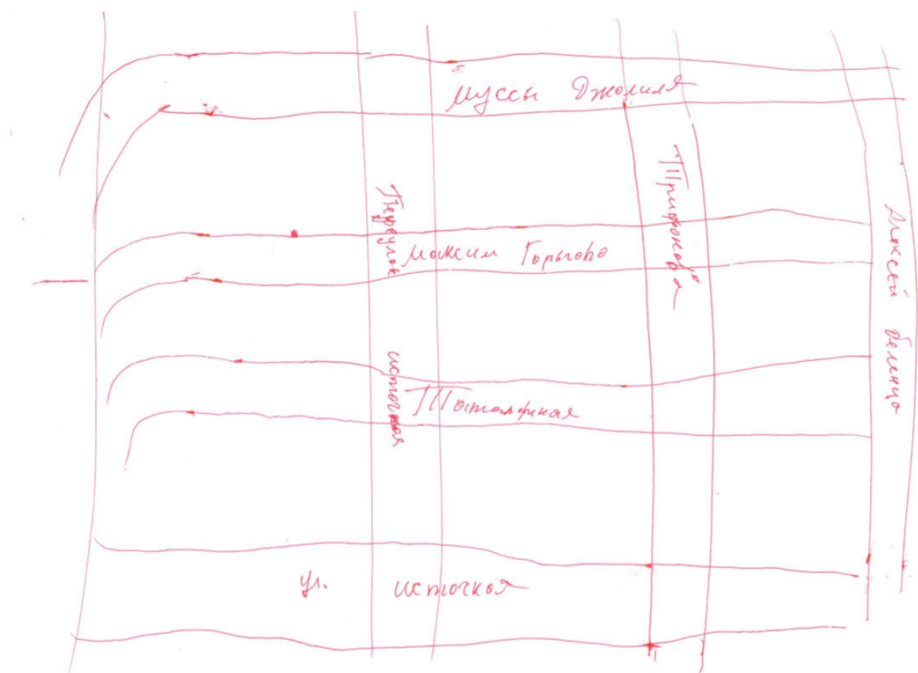
¹⁹ Ж., 1965, род. в Томске.

²⁰ Ж., 1965, род. в Томске.

²¹ М., 1972, род. в Томске.

²² Ж., 1948, род. в Шымкенте (Казахстан).

²³ Ж., 1927, род. в Томске.

Илл. 1. Ментальная карта информанта, м., 1982

Ill. 1. Informant's mental map, male, born 1982

Слобода меньше. А так привыкли: “Заисток”. <...> “Заисток” — более растяжимое²⁴.

Я чаще использую название “Заисток”. <...> Ну, на сайтах бывает “Татарская слобода”. Дома употребляем это слово — “Заисток”. “Татарская слобода” — <...> более исторически уплывающее²⁵.

Некоторые собеседники и вовсе не использовали в повседневной жизни топонимы «Заисток» и «Татарская слобода», опираясь при определении места своего проживания на названия улиц, путей или остановок.

Я его [район] никак не называю. Для меня он удобен чем: потому что река рядом. Собираюсь, 15 минут — и я на реке. Район тихий. [Когда незнакомец, например, спросит, где вы живете?] На улице Татарской²⁶.

[“Заисток”] очень устарело. Никому не скажешь сейчас “Заисток”. Не поймут. Может, старожилы и говорят так, но томичам, таким рядовым, как я, это ничего не скажет²⁷.

Определению вернакулярного типа границ Татарской слободы послужили ментальные карты горожан. Опираясь на визуальные

²⁴ М., 1966, род. в Томске.

²⁵ Ж., 1948, род. в Шымкенте (Казахстан).

²⁶ М., 1969, род. в Томске.

²⁷ М., 1982, род. в поселке Светлый (Томская область).

представления и повествования, сопровождавшие процесс построения карт, можно говорить о том, что, по мнению опрошенных местных жителей, Татарская слобода ограничена четырьмя линиями — проспектом Ленина на востоке, Базарным переулком и завершением Московского тракта на юге, улицей Алексея Беленца на севере и рекой Томь на западе. Остальная же часть Заисточья от Базарного переулка, протянувшаяся вдоль Московского тракта до Коммунального моста, не присутствует на картах местных жителей.

Я от реки смотрю в город — Томск. Тут идет одна улица старенькая, по моему, Мусы Джалиля. Я живу на [улице] Трифонова. Это [улица] Татарская. Тут [улица] Максима Горького. И тут еще есть улица Источная. <...> Здесь она [слобода] заканчивается — очевидно на улице Беленца, потому что там заканчивается вообще все. С этой стороны начинается Московский тракт, и он идет сверху вниз. <...> Вот, где все эти улицы сходятся, там для меня — это все [территория слободы]²⁸.

Наиболее распространенное представление — о большей территории, охватываемой топонимом «Заисток», который, в свою очередь, включает в себя территорию Татарской слободы.

«У нас вот Татарская слобода неофициально делится на два района: “Заисток первый”, который ограничивается переулком Базарный. <...> Вот Базарный переулок, с этой стороны — [проспект] Ленина, с этой стороны — река»²⁹, — среди жителей распространены нарративы о сосуществовании двух районов, получивших вернакулярные названия «Заисток первый» и «Заисток второй». Территория «Заистока первого» совпадает с территорией Татарской слободы, которую чаще прочего упоминают в беседах информанты — от улицы Алексея Беленца до Базарного переулка, «Заисток второй» — территория вдоль Московского тракта от Базарного переулка до Коммунального моста.

Можно предположить, что на деление территории на «Заисток первый» и «второй» влияют следующие факторы:

а) архитектурный облик территории: в нарративах нередко упоминается о «старинном» и «историческом» облике Татарской слободы, который формирует массив дореволюционных деревянных домов: «Во-первых, там [в “Заистоке втором”] уже деревянных домов не видеть. А во-вторых, как-то район хочется видеть каким-то квадратным, круглым, а не плоским»³⁰;

б) разные формы собственности: «Заисток первый» — территория с многоквартирными деревянными домами, «Заисток второй» — частный сектор, в котором большую часть застройки составляют индивидуальные жилые дома, построенные в советское время: «Там дальше [в “Заистоке втором”] — частный сектор, с этой частью [“Заистоком первым”] ничего не пересекается»³¹;

²⁸ М., 1982, род. в поселке Светлый (Гомская область).

²⁹ Ж., 1948, род. в Шымкенте (Казахстан).

³⁰ М., 1982, род. в поселке Светлый (Гомская область).

³¹ М., 1966, род. в Томске.

в) деление города по районам: микрорайон Татарская слобода (Заисточье) разделен между двумя районами — его северная часть [“Заисток первый”] совпадает с Советским районом, южная [“Заисток второй”] относится к Кировскому.

Исходя из анализа нарративов и ментальных карт можно выделить следующие характеристики вернакулярных границ.

1. Граница по реке Томь ощущается слабо: будучи отделенной от взгляда наблюдателей линией домов и недоступной для пешеходов, река обозрима лишь местами.

2. Границу по улице Алексея Беленца можно отнести к категории «запрещающих» [Линч 1982: 65]. Находящаяся за ней территория ТЭЦ-1 — пространство за колючей проволокой, непроходимая и непреодолимая линия, отделяющая территорию Татарской слободы от остального города.

3. Граница по проспекту Ленина, центральной магистрали города, представляет «разъединяющий барьер» [Линч 1982]. Проспект, по мнению жителей, отделяет слободу от самого Томска, «города», создавая с улицей Беленца обособленный «остров».

4. Граница по Базарному переулку играет роль «связующего шва» [Линч 1982]. Он более связывает, чем разъединяет два Заистока, функционируя многозначно: его можно рассматривать не только как границу, но и как путь, по которому передвигаются жители. Затерявшийся среди многоэтажных домов продуктовый магазин «Колокольчик» выступает маркером пересечения границы между двумя Заистокми:

Заисток до «Колокольчика» раньше считался, район такой бластной³².

От «Колокольчика» — другая сторона³³.

Улицы и переулки слободы в представлениях и повседневных практиках жителей

В XIX веке планировка Татарской слободы представляла собой прямолинейную систему улиц и кварталов: улицы, расположенные параллельно друг другу, перпендикулярно пересекались переулками, а направления основных улиц района совпадали с направлением главной улицы города, нынешним проспектом Ленина, и линией реки Томь. Такая линейная планировка улиц, параллельных реке, с перпендикулярно расположенными переулками сохранилась по сегодняшний день и определила облик Татарской слободы как «системы кварталов с главной улицей [Татарской], проходящей с севера на юг и являющейся осью композиции» [Вольская, Беляева 2018: 19].

Я анализировала не только содержание ментальных карт инфор-

³² М., 1966, род. в Томске.

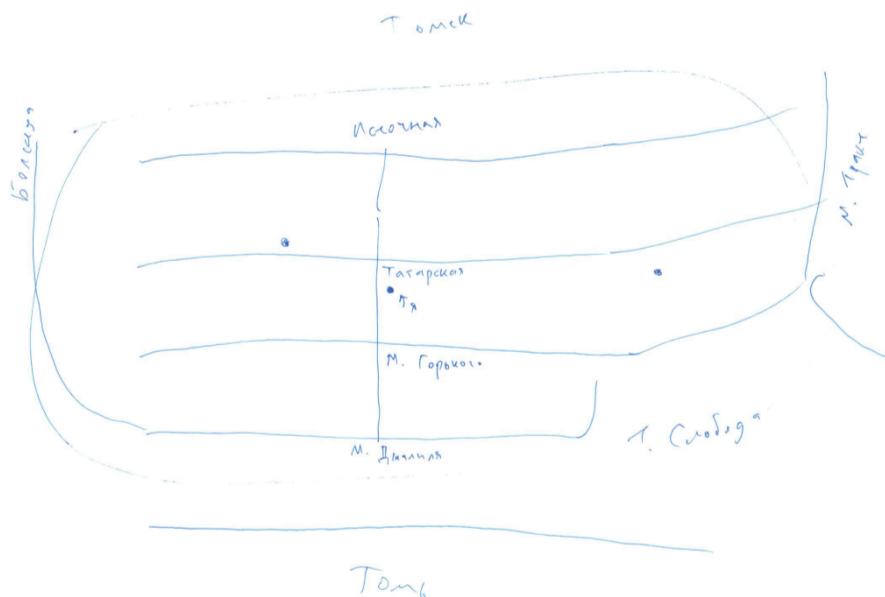
³³ Ж., 1948, род. в Шымкенте (Казахстан).

мантов, но и последовательность их составления. Можно говорить о двух путях репрезентации пространственного образа района:

1. Построение карты начиналось с проведения контура, которым выступали проспект Ленина и река Томь, а затем карта заполнялась к центру;

2. Построение карты начиналось с нанесения на лист сетки системы улиц и путей, к которой затем добавлялись остальные элементы.

Собеседники ни разу не начинали строить карту от какой-то конкретной точки — это позволяет предположить, что представления о пространстве района основаны на путевой системе координат. Опираясь на содержание нарративов и ментальных карт, я рассматриваю Татарскую улицу в качестве главной улицы слободы, а перпендикулярные ей улицы Алексея Беленца и Трифонова и Базарный переулочек как связующие района с главной транспортной артерией города — проспектом Ленина.

Илл. 2. Ментальная карта информанта, м., 1966
 Ill. 2. Informant's mental map, male, born 1966

Татарская улица протянулась от улицы Алексея Беленца в районе ТЭЦ-1 до Базарного переулочка у Московского тракта. Расположение в торговом районе обусловило в свое время наличие на ней большого количества магазинов и лавок — здесь продавали кондитерские и булочные товары, мясо, чай, сахар, работали модные салоны и швейные мастерские, прачечные, в 1904 году была открыта Красная соборная мечеть [Старикова и др. 2012: 273]. Выходящая на Конную площадь [сейчас территория ТЭЦ-1] с северной стороны и

на дорогу в Тобольск — с южной, Татарская улица связывала слободу с городом [Богданова 2005: 98]. Такая связь осталась: будучи единственной транспортной улицей, в нарративах она описывается как главная улица слободы.

Главной у нас считается улица Татарская. Она транспортная улица, потому что в Заисток можно попасть только с [проспекта] Ленина через [улицу] Беленца на Татарскую [улицу] и туда дальше, кончается она Базарным переулком. И никак больше не проедешь. Как бы карман такой³⁴.

На момент полевой работы единственным видом транспорта, который проходил по территории Татарской слободы, был автобус № 29. Заезжая в слободу с Учебной улицы, он движется по Московскому тракту, проезжает Татарскую улицу и покидает район с улицы Алексея Беленца. Собеседники говорили, что автобус приезжает в слободу «с вершинки», отсылая к географическому положению Татарской слободы в пойме реки Томь: «Здесь он забирает с этих общаг студентов и везет туда, на вершинку, а с вершинки, там тоже общаги, он через весь город так идет»³⁵.

Татарская улица плавно переходит в улицу Алексея Беленца (бывш. ул. Подгорная). Получившая свое название в честь партийного советского деятеля А. И. Беленца, она протянулась от Татарской улицы до улицы Советской, которая находится уже в другом районе. По одну сторону улицы Беленца расположены деревянные жилые дома, по другую — здание ТЭЦ-1, многоэтажные постройки, офисы, магазины: «Начиналась [Татарская слобода] с [улицы] Беленца — сейчас так называется»³⁶. Связывая район с главной артерией города — проспектом Ленина, в нарративах улица Беленца осмысливается как «начало» или, напротив, «завершение» территории Татарской слободы.

Другой путь — улица Трифонова (бывший переулок Татарский), выходящая на проспект Ленина в районе остановки «Главпочтамт»: «По улице Трифонова, где Красная мечеть стоит, они [жители слободы] ходят на почту [остановка “Главпочтамт”]»³⁷.

Базарный переулок (бывший Завьяловский) начинается от улицы Мусы Джалиля и доходит до Московского тракта, который в этом месте плавно перетекает в проспект Ленина. В XIX веке переулок, как и большинство улиц Заисточья, был довольно оживленным из-за располагавшегося на нем Завьяловского рынка, где торговали сыром — фуражом для лошадей, дровами, углем для кузниц, шкурами, чугуном и литьем. Сегодня Базарный переулок служит границей Кировского и Советского районов, разграничивая так называемые Заисток первый и Заисток второй.

Перпендикулярное положение улиц и переулков по отношению к

³⁴ Ж., 1948, род. в Шымкенте (Казахстан).

³⁵ М., 1966, род. в Томске.

³⁶ Ж., 1974, род. в Томске.

³⁷ М., 1966, род. в Томске.

проспекту Ленина предопределило их использование в качестве связующих путей, по которым жители Татарской слободы имеют возможность вступать в границы «остального города».

Заисток делится таким образом: по Базарному переулку люди идут на остановки — «29» [на остановку автобуса № 29], в «Колокольчик» [местный продуктовый магазин] заходят. По улице Трифонова, где Красная мечеть стоит, они идут на почту [остановка «Главпочтамт»], соответственно, они нигде не пересекаются. <...> Если мы по Татарской [улице] пройдемся, выйдем на улицу Беленца <...> она как раз выходит в районе кинотеатра «Киномир». Та часть [жителей] — на ту остановку ходит. Народонаселение, называется, по каким тропам ходит³⁸.

Значение улиц и переулков заключается в формировании сети, внутри которой жители Татарской слободы воспринимают окружение: главное направление «входа» в район, Татарская улица, а также перпендикулярная ей триада из улиц Алексея Беленца, Трифонова и Базарного переулку с их направленностью к проспекту Ленина являются ключевыми для формирования образа. Ссылаясь на результаты картирования, можно утверждать, что жители организуют пути в геометрическую решетку — довольно простую структуру независимо от мелких отклонений внутри нее.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В нарративах жители Татарской слободы отбирали и соединяли элементы городской среды — ни один из них не существовал изолированно. К тому же, вернакулярному образу Татарской слободы у ее жителей были свойственны слияния и искажения (Заисток первый и Заисток второй), а также упорядочения и связывания отдельных частей (геометрическая сетка улиц и переулков). Основными источниками конструирования вернакулярных представлений о Татарской слободе являлись не только ассоциации, чувства, воспоминания, связанные с ней, но и в значительной степени наличие на ее пространстве повседневных практик мобильности. Например, нарративы о Заистоке втором, жители которого в связи с несовершенством выборки не были опрошены, содержали определенные лакуны — в них не было информационной насыщенности, присущей нарративам о Заистоке первом.

Татарская слобода в представлениях местных жителей обладает цельным образом, который, однако, с каждым годом становится все более хрупким: имеющая статус достопримечательного места, она быстро теряет основные слагаемые своего образа — погибающие в пожарах и заброшенности деревянные дома.

Раньше, когда я ходил из мастерской до дома, вот, не было этих общаг, не было этих высоток. Раньше был открытый горизонт — всегда было видно закат красивейший. Солнце заходило — это было великолепно. Идешь...

³⁸ М., 1966, род. в Томске.

Я как художник читал, какие цвета там: небо коричневое, небо фиолетовое, небо зеленое. А сейчас я не вижу³⁹.

Литература

- Богданова, О. В. (2005). *Архитектурный облик Томска*. Томск: Красное знамя.
- Вольская, Л. Н., Беляева, Е. К. (2018). К проблеме реконструкции среды исторического района г. Томска Татарская слобода. *Творчество и современность*, 2(6), 16–23.
- Гончарова, Е. З. (2015). Архитектурный облик татарской слободы Томска в конце XIX — начале XX веков. *Известия Алтайского государственного университета*, 87(3/1), 105–110.
- Линч, К. (1982). *Образ города*. [Пер. с Lynch, К. (1960). *The Image of the City*. Cambridge: The M.I.T. Press]. М.: Стройиздат.
- Старикова, Г. Н., Захарова, Л. А., Иванцова, Е. В., Нестерова, Н. Г., Мороз, Е. В., Банкова, Т. Б. (2012). *История названий томских улиц*. Томск: Д-Принт.
- Kusenbach, M. (2003). Street phenomenology: The go-along as ethnographic research tool. *Ethnography*, 4(3), 455–485.

References

- Bogdanova, O. (2005). *Architectural appearance of Tomsk*. Tomsk: Red flag. (In Russian).
- Volskaya, L., Beljaeva, E. (2018). On the problem of reconstruction of the historical environment of the district of Tomsk Tatarskaya Sloboda. *Creativity and modernity*, 2(6), 16–23. (In Russian).
- Goncharova, E. (2015). Architectural features of the Tomsk Tatar settlement in the late 19 — early 20 century. *News of the Altai State University*, 87(3/1), 105–110. (In Russian).
- Kusenbach, M. (2003). Street phenomenology: The go-along as ethnographic research tool. *Ethnography*, 4(3), 455–485.
- Lynch, K. (1982). *The Image of the City*. [Trans. Lynch, K. (1960). *The Image of the City*. Cambridge: The M.I.T. Press]. Moscow: Stroyizdat. (In Russian).
- Starikova, G., Zakharova, L., Ivantsova, E., Nesterova, N., Moroz, E., Bankova, T. (2012). *History of Tomsk streets' names*. Tomsk: D-Print. (In Russian).

³⁹ М., 1960, род. в Тайге (Кемеровская область).